

РОБЕРТ ГРЭЙВЗ
Лучшее рождество в моей жизни

– В то Рождество королева Виктория была еще жива, а мне было четыре с половиной года.

– Кем она приходилась королеве Елизавете? Её бабушкой?

– Нет, прапрабабушкой.

– Потрясающе! Ты ее помнишь?

– Да. Это была полная женщина невысокого роста в черном, проезжавшая через парк с эскортом лейб-гвардейцев в открытом ландо, запряженном двумя роскошными серыми лошадьми, которые высоко вскидывали ноги, и музыканты играли: «Расступитесь, дайте дорогу хулиганистым мальчишкам».

– Ландо?

– Да, в те времена не было машин. Дороги на улицах были вымощены булыжником и были такими грязными от конского навоза и слякоти, что всем приходилось надевать сапоги. Мальчишки с грязными лицами, одетые в лохмотья, подметали переходы метлами и клянчили полпенни у прохожих. Иногда они даже делали кувырки колесом, дабы привлечь к себе внимание.

– Ничего себе! Какой ты древний! Где ты встречал то Рождество?

– Дома, неподалеку от Уимблдона. В большом доме с двадцатью пятью комнатами и угольным погребом. Там не было ни электричества, ни лифта, ни пылесоса, ни холодильника, ни радио, ни телевизора. Были лишь тускло светящие газовые лампы, угольное отопление и рояль.

– Тогда уже были рождественские ёлки?

– Да, муж королевы Виктории, принц Альберт, привез эту традицию из Германии ... Мы всегда ставили большую елку в гостиной. Каждый год мы вешали на елку одни и те же цветные стеклянные украшения: ни одна фигурка ни разу не разбилась. В те времена вещи делались на совесть, и люди относились к ним бережнее... Мы, дети, всегда ждали около часа за дверью в темном холодном зале, рассказывая друг другу истории о привидениях, пока мама и папа наряжали елку и готовили подарки.

– Их вешали на ёлку?

– Нет. У каждого из нас был стул или софа, или маленький столик, накрытый белой льняной тканью, и подарки раскладывали там. Наконец, дверь открывалась, и мы врывались в гостиную; ёлка сияла, как Райский Сад, усыпанный драгоценными камнями. Мы должны были сначала взяться за руки и петь: «Придите, все вы, верные». Мама аккомпанировала нам на рояле, нажимая до упора правую педаль. Под елкой была пещера Рождества со святым Иосифом и Богородицей, младенцем Христом, волком, ослом и тремя волхвами. Помню, как потом постучал рождественский дед в остекленную дверь, ведущую в сад, и вошел. Он махнул нам рукой и сказал, что оставил своих оленей у «Лебедя» на другой стороне дороги, и пожелал нам счастливого Рождества. Он так сильно сетовал на холод, что мой отец налил ему стакан вишневого бренди. Он шумно его выпил и снова ушел в густой туман, крича: «Увидимся в следующем столетии!». Вот почему я запомнил тот год: это был 1899-й!

– Расскажи мне о своих подарках.

– У меня была музыкальная шкатулка, которая играла «Милый сердцу дом родной», две коробки с солдатиками (это были Королевские стрелки и египетская кавалерия на верблюдах), игрушечный шлем, игрушечный барабан, молитвенник с переплетом из красного сафьяна, альбом для рисования и заводная лошадка.

– Ты все выдумал, верно?

– Нет. Я помню все подарки, потому что вскоре после Рождества меня отвезли в больницу со скарлатиной, и моя мама сожгла почти все мои игрушки. Врач сказал, что они заразны для детей. Но моя любимая сестричка спрятала шлем и барабан в сарае и с грустью играла с ними, когда ее няни не было дома.

– Ты верил в рождественского деда?

– Да, но только до путаницы на Рождество (я расскажу тебе об этом позже), несмотря на то, что рождественский дед носил такие же ботинки, что и дядюшка Чарльз. Но в те времена рождественский дед не имел такого значения, как сейчас. Рождество не было настолько веселым и хлопотным делом. Его отмечали как день рождения Иисуса, в который мы дарили друг другу подарки в знак благодарения Бога и особой доброты ко всем. Мы тратили все деньги из наших копилочек, чтобы купить подарки. Я помню, что мы всегда дарили повару и горничной душистое мыло по два пенса за кусок ... В те времена у нас был один пенс в неделю, а иногда нам давали немного денег наши дядюшки и тетушки.

– Пенс в неделю? Но это же так мало ... Ты развешивал чулки?

– Да, мы развешивали чулки, и всякий, кто был непослушным в том году, получал угольки вместо миндаля, изюма, яблок и мандаринов, маленькую игрушку-головоломку, где была изображена темнокожая девочка, и нужно было постараться закатить бусинки ей в рот, и сахарную мышь с розовыми глазами и хвостом из веревки.

– Вот это да! Тебе часто доставались угольки?

– Никогда. Я всегда был таким же прелестным, как и принц Альберт.

– Ха-ха! Так что же случилось в то Рождество?

– Мы нарядно оделись и пошли в церковь. Она была украшена хризантемами и падубом. Помню, священник не хотел пускать нас с омелой в церковь. Он говорил, что это пустая затея. Затем мы вернулись домой к рождественскому ужину. За столом собралась вся семья: пять мальчиков (вместе с младенцем), четыре девочки и дядюшка Чарльз, который не мог встретить Рождество дома, потому что тетя Алиса бросила его. Да, на столе были индейка, рождественский пудинг и пироги. Кстати, наш повар когда-то был поваром у генерала Гордона и готовил сливовый пудинг по рецепту, собственноручно записанному самим генералом».

– Кто такой генерал Гордон?

– Дервиши убили его в Хартуме. Однажды я показывал тебе его фигуру в музее мадам Тюссо.

– Да? Я не помню. Продолжай рассказ.

– Затем мы вытащили хлопушки, надели цветные колпачки и стали загадывать друг другу загадки...»

– Какие загадки?

– Например: «Почему Крюгер носил большие ботинки?»

– Кто такой Крюгер?

– Президент Южно-Африканской Республики. На тот момент англо-бурская война длилась уже два года, и все парни на улице насвистывали песню:

«Прости меня, Долли, я должен уехать,

Пускай разрывается сердце мое.

И песню поет мне душа об успехе,

На фронте противников всех перебьем».

Но никого не призывали на фронт. Да и это была не такая уж страшная война. Жизнь шла своим чередом. Бомбы, танки и самолеты еще не были изобретены.

– Но почему Крюгер носил большие ботинки?

– Чтобы не допустить поражения Де Вета.

– Я не понимаю, о чем ты.

– Де Вет был одним из генералов Крюгера.

– Неважно, так что же ты делал в тот вечер?

– Мы отправились на специальную детскую службу в приходской церкви. Как ты понимаешь, кинотеатров тогда еще не было.

– Тогда почему это было лучшее Рождество в твоей жизни?

– Потому что оно было настоящим.

– О! ... А что стало с домом в Уимблдоне?

– Его продали и поделили на шесть квартир ... Я предполагаю, что в них сейчас живут шесть небольших семей, и в канун Рождества там зажгутся шесть крошечных рождественских ёлок: вероятно, это будут искусственные складные ёлки, купленные в бакалейной лавке, увешанные гирляндами... А парочка пожилых нянь будет пить херес и слушать славильщиков по телевизору, пока молодые люди отправятся куда-нибудь потанцевать.

– Осмелюсь сказать, что это будет повеселее, чем пение церковных гимнов под рояль и загадывание загадок. Но, тем не менее, если я все еще нахожусь в твоём списке Санты, то я хочу получить хороший набор бонго-барабанов... Да, чуть не забыл, ты хотел что-то рассказать про путаницу на Рождество?

– Да. Два года спустя, когда пришел дядюшка Чарльз и сказал, что он был рождественским дедом, а следом пришел дядя Боб, сразу после того, как дядя Чарльз ушел, и сказал, что он был Санта-Клаусом.

– Ну и ну!